

Время Екатерины II (1762-1796)

Обстановка воцарения.

Новый переворот был совершен, как и прежние, гвардейскими дворянскими полками; он был направлен против императора, заявившего очень резко свои национальные симпатии и личные странности детски капризного характера. В таких обстоятельствах вступление на престол Екатерины имеет много общего с вступлением на престол Елизаветы. И в 1741 г. переворот совершался силами дворянской гвардии против ненационального правительства Анны, полного случайностей и произвола нерусских временщиков. Мы знаем, что переворот 1741 г. имел следствием национальное направление елизаветинского правительства и улучшение государственного положения дворянства. Таких же следствий вправе мы ожидать и от обстоятельств переворота 1762 г., и действительно, как увидим, политика Екатерины II была национальной и благоприятной дворянству. Эти черты были усвоены политике императрицы самими обстоятельствами ее воцарения. В этом она неизбежно должна была следовать Елизавете, хотя и относилась с иронией к порядкам своей предшественницы.

Но переворот 1741 г. поставил во главе правления Елизавету, женщину умную, но малообразованную, которая принесла на престол только женский такт, любовь к своему отцу и симпатичную гуманность. Поэтому правительство Елизаветы отличалось разумностью, гуманностью, благоговением к памяти Петра Великого. Но оно не имело своей программы и поэтому стремилось действовать по началам Петра. Переворот 1762 г., напротив, поставил на трон женщину не только умную и с тактом, но и чрезвычайно талантливую, на редкость образованную, развитую и деятельную. Поэтому правительство Екатерины не только возвращалось к хорошим старым образцам, но вело государство вперед по собственной программе, которую приобрело мало-помалу по указаниям практики и отвлеченных теорий, усвоенных императрицей. В этом Екатерина была противоположна своей предшественнице. При ней была система в управлении, и поэтому случайные лица, фавориты, менее отражались на ходе государственных дел, чем это было при Елизавете, хотя фавориты Екатерины были очень заметны не только деятельностью и силой влияния, но даже капризами и злоупотреблениями.

Так, обстановка воцарения и личные качества Екатерины определяют заранее особенности ее правления. Нельзя не заметить, однако, что личные взгляды императрицы, с которыми она взошла на престол, не вполне соответствовали обстоятельствам русской жизни и теоретические планы Екатерины не могли перейти в дело вследствие того, что не имели почвы в русской практике. Екатерина образовалась на либеральной французской философии XVIII в., усвоила и даже высказывала открыто ее «вольнодумные» принципы, но не могла провести их в жизнь или по неприложимости их, или вследствие противодействия окружавшей ее среды. Поэтому появилось некоторое противоречие между словом и делом, между либеральным направлением Екатерины и результатами ее практической деятельности, которая была довольно верна историческим русским традициям. Вот почему иногда обвиняют Екатерину в несоответствии ее слов и дел. Мы увидим, как произошло это несоответствие; увидим, что в практической деятельности Екатерина жертвовала идеями практике; увидим, что идеи, введенные Екатериной в русский общественный оборот, не прошли, однако, бесследно, но отразились на развитии русского общества и на некоторых правительственных мероприятиях.

Первое время правления.

Первые годы правления Екатерины были для нее трудным временем. Сама она не знала текущих государственных дел и не имела помощников: главный делец времени Елизаветы, П. И. Шувалов, умер; способностям других старых вельмож она доверяла мало. Один граф Никита Ив. Панин пользовался ее доверием. Панин был дипломатом при Елизавете (послом в Швеции); ею же был назначен воспитателем великого князя Павла и оставлен в этой должности и Екатериной. При Екатерине, хотя канцлером оставался Воронцов, Панин стал заведовать внешними делами России. Екатерина пользовалась советами старика Бестужева-Рюмина, возвращенного ею из ссылки, и других лиц прежних правлений, но это были не ее люди: ни верить в них, ни доверяться им она не могла. Она советовалась с ними в разных случаях и поручала им ведение тех или иных дел; она оказывала им внешние знаки расположения и даже почтения, вставая, например, навстречу входившему Бестужеву. Но она помнила, что эти старики когда-то смотрели на нее сверху вниз, а совсем недавно предназначали престол не ей, а ее сыну. Расточая им улыбки и любезности, Екатерина их остерегалась и многих из них презирала. Не с ними хотела бы она править. Для нее надежнее и приятнее были те лица, которые возвели ее на трон, то есть младшие вожаки удавшегося переворота; но она понимала, что они пока не имели ни знаний, ни способностей к управлению. Это была гвардейская молодежь, мало знавшая и мало воспитанная. Екатерина осыпала их наградами, допустила к делам, но чувствовала, что поставить их во главе дел нельзя: им надо было раньше перебродить. Значит, тех, кого можно было бы немедленно ввести в правительственную среду, Екатерина не вводит потому, что им не доверяет; тех же, которым она доверяет, она не вводит потому, что они еще не готовы. Вот причина, почему в первое время при Екатерине не тот или другой круг, не та или иная среда составляла правительство, а составляла его совокупность отдельных лиц. Для того чтобы организовать плотную правительственную среду, нужно было, конечно, время.

Так, Екатерина, не имея годных к власти надежных людей, не могла ни на кого опереться. Она была одинока, и это замечали даже иностранные послы. Они видели и то, что Екатерина переживала вообще трудные минуты. Придворная среда относилась к ней с некоторой требовательностью: как люди, возвышенные ею, так и люди, имевшие силу ранее, осаждали ее своими мнениями и просьбами, потому что видели ее слабость и одиночество и думали, что она им обязана престолом. Французский посол Бретейль писал: «В больших собраниях при дворе любопытно наблюдать тяжелую заботу, с какой императрица старается понравиться всем, свободу и надоедливость, с какими все толкуют ей о своих делах и о своих мнениях... Значит, сильно же чувствует она свою зависимость, чтобы переносить это».

Это свободное обращение придворной среды было очень тяжело Екатерине, но пресечь его она не могла, потому что не имела верных друзей, боялась за свою власть и чувствовала, что сохранить ее она может только любовью двора и подданных. Она и употребляла все средства, чтобы, по выражению английского посла Букингама, приобрести доверие и любовь подданных.

Были у Екатерины действительные основания опасаться за свою власть. В первые дни ее правления среди армейских офицеров, собранных на коронацию в Москву, шли толки о состоянии престола, об императоре Иоанне Антоновиче и великом князе Павле. Некоторые находили, что эти лица имеют больше прав на власть, чем императрица. Все эти толки не выросли в заговор, но очень тревожили Екатерину. Значительно позднее, в 1764 г., обнаружился и заговор для освобождения императора Иоанна. Иоанн Антонович со времени Елизаветы содержался в

Шлиссельбурге. Армейский офицер Минович сговорился со своим товарищем Ушаковым освободить его и его именем совершить переворот. Оба они не знали, что бывший император в заключении лишился ума. Хотя Ушаков утонул, Минович и один не отказался от дела и возмутил часть гарнизона. Однако при первом же движении солдат, согласно инструкции, Иоанн был заколот своими надсмотрщиками и Минович добровольно отдался в руки коменданта. Он был казнен, и его казнь страшно подействовала на народ, при Елизавете отвыкшей от казней. И вне войска Екатерина могла ловить признаки брожения и неудовольствия: не верили смерти Петра III, говорили с неодобрением о близости Г. Г. Орлова к императрице. Словом, в первые годы власти Екатерина не могла похвалиться, что имеет под ногами твердую почву. Особенно неприятно ей было услышать осуждение и протест из среды иерархии. Митрополит Ростовский Арсений (Мацевич) поднял вопрос об отчуждении церковных земель в такой неудобной для светской власти и для самой Екатерины неприятной форме, что Екатерина нашла нужным поступить с ним круто и настояла на его расстрижении и заключении.

При подобных условиях Екатерина, понятно, не могла сразу выработать определенную программу правительственной деятельности. Ей предстоял тяжелый труд сладить с окружающей средой, примениться к ней и овладеть ею, присмотреться к делам и главным потребностям управления, выбрать помощников и узнать ближе способности окружающих ее лиц. Понятно, как мало могли помочь ей в этом деле принципы ее отвлеченной философии, но, понятно, как много помогли ей природные способности, наблюдательность, практичность и та степень умственного развития, какой она владела вследствие широкого образования и привычки к отвлеченному философскому мышлению. Упорно трудясь, Екатерина провела первые годы своего царствования в том, что знакомилась с Россией и с положением дел, подбирала советников и укрепляла свое личное положение во власти.

Тем положением дел, какое она застала, вступая на престол, она не могла быть довольна. Главная забота правительства – финансы – были далеко не блестящи. Сенат не знал точно цифры доходов и расходов, от военных расходов происходили дефициты, войска не получали жалованья, а беспорядки финансового управления страшно запутывали и без того плохие дела. Знакомясь с этими неприятностями в Сенате, Екатерина получала понятие о самом Сенате и с иронией относилась к его деятельности. По ее мнению, Сенат и все прочие учреждения вышли из своих оснований; Сенат присвоил себе слишком много власти и подавил всякую самостоятельность подчиненных ему учреждений. Напротив, Екатерина в известном своем манифесте 6 июля 1762 г. (в котором она объяснила мотивы переворота) желала, чтобы «каждое государственное место имело свои законы и пределы». Поэтому она постаралась устранить неправильности в положении Сената и дефекты в его деятельности и мало-помалу свела его на степень центрального административно-судебного учреждения, воспретив ему законодательную деятельность. Это было сделано ею очень осторожно: для скорейшего производства дел она разделила Сенат на 6 департаментов, как это было при Анне, придав каждому из них специальный характер (1763 г.); с Сенатом стала сношаться через генерал-прокурора А. А. Вяземского и дала ему секретную инструкцию не поощрять Сената на законодательную функцию; наконец, повела все свои важнейшие мероприятия помимо Сената своею личной инициативой и авторитетом. В результате была существенная перемена в центре управления: умаление Сената и усиление единоличных властей, стоявших во главе отдельных ведомств. И все это достигнуто исподволь, без шума, крайне осторожно.

Обеспечивая свою самостоятельность от неудобных старых порядков управления, Екатерина с помощью того же Сената деятельно занималась делами:

искала средств поправить финансовое положение, решала текущие дела управления, присматривалась к состоянию сословий, озабочена была делом составления законодательного кодекса. Во всем этом не было еще видно определенной системы; императрица просто отвечала на потребности минуты и изучала положение дел. Волновались крестьяне, смущенные слухом освобождения от помещиков, – Екатерина занималась крестьянским вопросом. Волнения достигали больших размеров, против крестьян употреблялись пушки, помещики просили защиты от крестьянских насилий, – Екатерина, принимая ряд мер для водворения порядка, заявляла: «Намерены мы помещиков при их мнениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». Рядом с этим делом шло другое: грамота Петра III о дворянстве вызвала некоторые недоумения недостатками своей редакции и сильное движение дворян из службы, – Екатерина, приостановив ее действие, в 1763 г. учредила комиссию для ее пересмотра. Однако эта комиссия не пришла ни к чему, и дело затянулось до 1785 г. Изучая положение дел, Екатерина увидела необходимость составить законодательный кодекс. Уложение царя Алексея устарело; уже Петр Великий заботился о новом кодексе, но безуспешно: законодательные комиссии, бывшие при нем, не выработали ничего. Почти все преемники Петра были заняты мыслью составить кодекс; при императрице Анне, в 1730 г., и при императрице Елизавете, в 1761 г., требовались даже депутаты от сословий для участия в законодательных работах. Но трудное дело кодификации не удавалось. Екатерина II серьезно остановилась на мысли обработать русское законодательство в стройную систему.

Изучая положение дел, Екатерина желала познакомиться и с самой Россией. Она предприняла ряд поездок по государству: в 1763 г. ездил из Москвы в Ростов и Ярославль, в 1764 г. – в Остзейский край, в 1767 г. проехала по Волге до Симбирска. «После Петра Великого, – говорит Соловьев, – Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествия по России с правительственными целями» (XXVI, 8).

Так прошли первые пять лет внутреннего правления молодой государыни. Она привыкла к своей обстановке, присмотрелась к делам, выработала практические приемы деятельности, подобрала желаемый круг помощников. Положение ее окрепло, и ей не грозили никакие опасности. Хотя в эти пять лет не обнаружилось никаких широких мероприятий, Екатерина, однако, уже строила широкие планы реформаторской деятельности.